

Подобно многим птицам,
но в отличие от большинства
остальных животных,
люди — это мигрирующий вид.
[Massey 2005: 1]

ПРЕДИСЛОВИЕ

Переселение с одного места проживания на другое как индивидов, так и групп людей — явление, характерное, пожалуй, для всех периодов истории человечества и являвшееся к тому же средством освоения всех доступных человеку территорий обитания. Порой целые эпохи входили в историю человечества благодаря массовым перемещениям населения, из самых известных — эпоха Великого переселения народов, период Исхода евреев из Египта, переселение европейцев в Америку и др. Однако в научной литературе именно XX в. получил название «Века миграции» [Castles 1996: 3].

Такой громкий «титул» во многом действительно оправдан. Именно в прошлом столетии произошли две самые масштабные войны в истории планеты, разрушившие многие государства и по разным причинам политического, экономического, социального, культурного, этнического, экологического характера приведшие к массовым перемещениям населения. Но главное — это то, что именно XX в. сделал возможной миграцию в планетарном масштабе, что потоки переселенцев окончательно связали между собой все обитаемые части Света и практически все страны мира. Таким образом, проблема миграции не только стала актуальной почти для всего человечества, но и сделала мир по-настоящему одной системой.

Существует множество определений слова «миграция» применительно к населению, подчеркивающих те или иные характеристики явления (временность, легальность и пр.). Мы остановимся на одном из наиболее нейтральных: *миграция* (лат. *migration* — ‘перемещение’, ‘переселение’) *есть перемещения людей, связанные, как правило, со сменой места жительства* [Советский энциклопедический словарь 1987: 801].

Даже при беглом обзоре литературы, посвященной проблемам миграции, становится очевидной их чрезвычайная значимость: каждое второе издание содержит в себе такие фразы, как «меняющийся мир», «трансформация общества», «глобальные изменения» и т. п. Миграционные процессы позиционируются большинством исследователей как одни из самых болезненных в современном обществе, они определяются как главные причины и факторы социальных изменений и в обществах получения, и в обществах отдачи мигрантов [Юдина 2004: 5].

Поэтому неудивительно, что закрывать глаза на это масштабное явление не получается ни у одной крупной державы, что и побуждает многие государства поддерживать научные исследования в этой области, создавать различные комиссии и комитеты, подчас имеющие международный характер. Так, в 1991 г. при поддержке и на основе Международного объединения научного

изучения населения (IUSSP) был создан Международный комитет по проблемам миграции «Юг—Север». Основной целью этого комитета стали теоретические разработки, направленные на понимание того, как различные экономические и социальные силы влияют на международную миграцию между «развивающимися» и «развитыми» странами в конце XX в. [Massey 2005: IX]. До этого были созданы различные комиссии, занимающиеся такими специфическими миграционными проблемами, как проблема беженцев и вынужденных переселенцев (например, Высшая комиссия ООН по делам беженцев — UNHCR).

В России, где на протяжении всего XX в. «бушевали» волны миграций как внешнего, так и внутреннего характера, также осознается важность изучения этих вопросов. С начала 1990-х гг. российские исследователи активно изучают различные аспекты миграционной проблематики, главным образом вопросов трансформации постсоветского общества, сквозь призму миграционных потоков. Однако к началу XXI в. становится очевидным, что миграционные проблемы в России не ограничиваются последствиями распада СССР и не всегда напрямую контактируют с правовыми нарушениями миграционного законодательства страны. В частности, внимание обращается и на так называемую внутреннюю миграцию, т. е. миграцию граждан России внутри страны. Эта тема едва ли не более сложна, нежели темы, связанные с международной миграцией: статистические данные о перемещении внутри страны зачастую отсутствуют, поскольку Федеральная миграционная служба России не осуществляет заказов на подобные исследования. Но значение такой миграции в жизни современного российского общества невозможно переоценить.

Много исследований посвящено миграциям в Северо-Кавказском регионе. Северный Кавказ позиционируется то как «пороховая бочка» современной России, то как контактная зона многих культур и народов — в любом случае подчеркивается особая и яркая роль, которую играет регион в судьбе страны. Эта книга будет посвящена миграционным процессам в Республике Дагестан, происходившим на протяжении всего XX в. и происходящим ныне.

* * *

Слово Кавказ ассоциируется в первую очередь с горными кряжами и глухими ущельями и уже потом с плодородными долинами и степными просторами, которые составляют ландшафт значительной части юго-востока и севера региона. В свою очередь в представлениях о кавказцах доминирует образ темпераментных и воинственных по характеру горцев и уже потом трудолюбивых земледельцев и скотоводов. С древних времен повелось различать нравы обитателей гор и равнин. Так, Страбон писал о Восточной Грузии:

Равнину занимают те из иверов, которые более занимаются земледелием и склонны к мирной жизни... а горную часть занимают воинственное большинство... впрочем, они занимаются и земледелием [Страбон 1964: 474].

Такое представление о кавказцах, точнее, о горах Кавказа дожило до XX столетия.

Дагестан — часть Кавказа. По определению некоторых авторов:

Дагестан — «страна гор» — самая кавказская область всего Кавказа, а лезгин (дагестанец. — *Авт.*), его житель, самый типичный из всех кавказских гор-

цев. <...> Дагестан — это целое гнездо гор, насыпанных без порядка друг к другу, друг на друга. Не разберешь ни хребтов, ни долин. <...> Природа устроила его словно для того, чтобы всякая мысль о движении через него, в него и из него уничтожалась сама собою. <...> Каждое селение живет своею отдельною жизнью, загороженное от других страшными твердынями гор, отрезанное от них головокружительными безднами, ревущими горными потоками... Только большая нужда заставила бы лезгина преодолевать эти препятствия и сообщаться с соседями. Но какая может быть нужда одному полудикому пастуху и разбойнику в другом? <...> Никаких промыслов, помимо скудных потребностей своего дома. <...> Пастушество и разбой — вот единственно возможный тут промысел и единственно возможная торговля... Да и какие другие более мирные вкусы в состоянии воспитать эта мрачная, титаническая природа? [Марков 1883: XXXIV—XXXV].

Однако не следует делать ударение на воинственности горцев. Это некорректно уже потому, что те, кому приходилось воевать с ними или служить в горном крае во второй половине XIX в. вскоре после его замирения, отмечали совершенно другое:

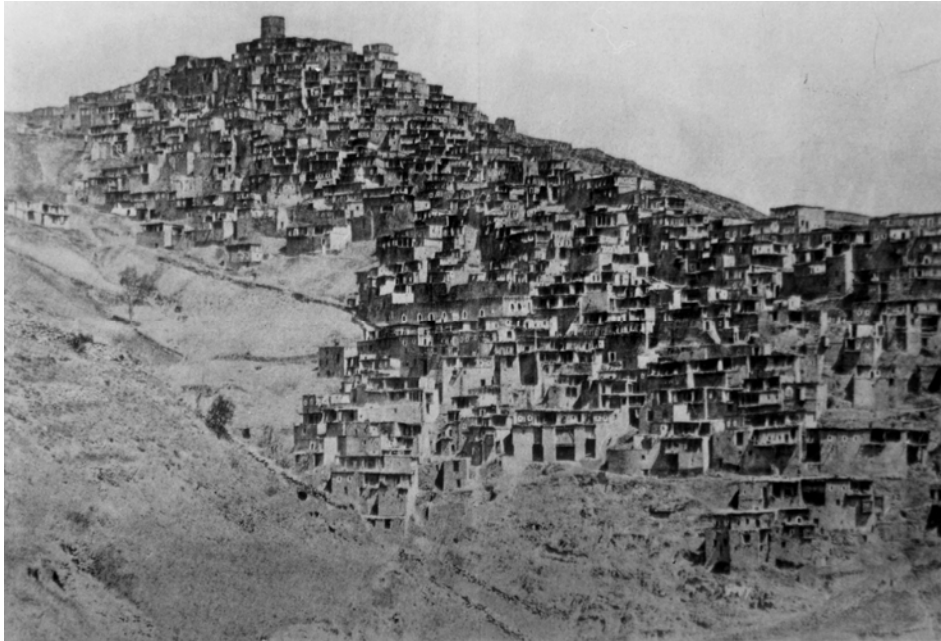
Лезгин (дагестанец. — *Авт.*) серьезен, положителен, постоянно занят возможно лучшим — конечно по-своему — устройством своего быта, во всех своих делах. Лезгин как будто бы сознает, что он должен трудиться не только для себя, но и для своего потомства. Взгляните на дома лезгин, на их сады: везде видно, что они заботятся о том, чтобы все это было прочно и долговечно. Эта поразительная черта их характера как-то не ладится с известною их воинственностью и с рассказами о постоянных их набегах на Закавказье. Из всех рассказов обыкновенно выводят то заключение, что лезгины народ дикий, хищнический, живущий разбоем и грабежом. Лезгины воинственны, это правда, что и вполне понятно, вследствие сурового характера природы их родины, но о них нельзя сказать, чтобы они были войнолюбивы... Войнолюбивый и хищный народ не станет так заботиться об устройстве своего благосостояния, как это делает лезгин [Глиноецкий 1862, т. 23: 123—124].

Быстрое превращение лезгин (дагестанцев. — *Авт.*) из прославленных разбойников в людей спокойной, главное земледельческой, культуры могло произойти только потому, что основная закваска лезгин была культурная [Пантюхов 1901: № 228].

Дагестанские горцы чрезвычайно дорожили своей землей, кропотливо и любовно возделывали ее, создав своеобразную цивилизацию.

Эти племена, проживающие там тысячелетия, счастливые и довольные своим общим кормильцем — Кавказом, приносившие ему, быть может как египтяне своему Нилу, жертвы, научились там перебиваться собственным своим трудом и, работая по горным терраскам, при ирригации, доведенной ими до высокого совершенства, сумели акклиматизировать великолепные породы винограда, яблوك, груш, персиков и абрикосов, составляющих там не лакомство, а народную пищу... Глядя же... на хитрую их ирригационную работу, по скалам, там, где она казалась немислимой, только разводишь, бывало, руками: и этих-то «разбойников», «дикарей» мы били, разоряли и портили у них все?.. Неужели такие труженики бывают «разбойниками»? [Котляревский 1884: XV—XVI].

Еще в 1930-х гг. академик Н. И. Вавилов, хорошо знавший разные мировые центры земледелия и непосредственно познакомившийся с террасными

Селение Кубачи. Фото Ф. Ордэна. Конец XIX в. МАЭ, № 1403-40

полями Дагестана, отмечал, что там «можно видеть... идеальное использование для культуры рельефа гор, максимальное использование каждой пяди для земледелия» [Вавилов 1936: 80]. Несколькими десятилетиями ранее публицист и общественный деятель Н. Воронов остроумно и прозорливо подметил:

Судя о Дагестане... нельзя не прийти к выводу, что основа дагестанской самобытности, или же своего рода цивилизации, лежит в своеобразном искусстве горного домостроительства, понимая последнее в самом обширном значении, т. е. как в отношении устройства частного жилья, так и в отношении частного и общественного распорядка, обуславливаемого требованиями горной архитектуры [Воронов 1870: 25].

В настоящее время абсолютное большинство террасных полей в горных районах Дагестана заброшено. Облик же большинства ныне существующих горных селений неузнаваемо изменился. Сложившийся на протяжении веков оригинальный принцип застройки, когда спускающиеся по отвесным горным склонам строения соблюдали заданный ритм и формировали цельность селений (которые являлись строго упорядоченным сообществом — общиной), так что профессиональные архитекторы сравнивали последние с друзьями кристаллов [Бакланов 1935: 19—20], сменил другой принцип, при котором дома и усадьбы рассыпаны уже по пологим склонам — бывшим полям и задают совершенно иной ритм, представляя индивидуальные ценности.

Говорят, что одно из последних высказываний Расула Гамзатова, ставшее афоризмом, звучало так: «Дагестанцы, берегите эти бесплодные голые скалы, кроме них у вас ничего нет!» [Данелия 2005: 22]. Формулировка образная, а слова проникнуты искренней заботой гениального поэта-горца о судьбе родины, а равно и земляков.

Новый квартал Кубачей. Фото Ю. Карпова. 2009 г.

На протяжении XX столетия, особенно второй его половины, очень многое изменилось в жизни гор и горцев. Можно сказать, горский мир перевернулся на 180 градусов. Ныне значительная, а то и большая часть населения горных районов Дагестана проживает в равнинных районах республики и за ее пределами. Это переселенцы 20—70-х гг. XX в., организованно вовлеченные в соответствующий процесс государством, и их дети и внуки, а также пе-

реселенцы 80—90-х гг. того же столетия и первого десятилетия нового века, поменявшие место жительства по собственному почину. Ныне ситуация такова: часть горных аулов перестали существовать, оказались заброшены, абсолютное большинство селений в разные годы оставлены значительным числом их жителей, и число это регулярно увеличивается за счет так называемых отходников, иначе — трудовых мигрантов. Отходничество давно укоренилось в социальных и хозяйственных практиках дагестанцев. Относительно него мы имеем изрядное количество описаний и статистических данных применительно ко второй половине XIX и началу XX в. В новейшее время отходничество, не изменив сути, приобрело формы, отличные от прежних.

Самобытный «горский мир» (даже в его модернизированном по сравнению с «традиционным» варианте), как ни прискорбно, переживает медленное угасание. Не только в период существования колхозов, но и за последние менее чем два десятка лет (и, возможно, главным образом в это время) жителям горных районов все менее интересной становилась «родная» земля в том аспекте, который составлял корень бытия их предков. Завет поэта оказался неуслышанным не только по нерадивости людей, просто изменившиеся обстоятельства предопределили их новый взгляд на бытие. Для среднего и, тем более, молодого поколений горцев жизненные перспективы оказались направлены в сторону «плоскости»¹ и городов с их вполне очевидными плодами обыденного благополучия.

Если в середине 1920-х гг. горцы составляли всего лишь 2 процента населения равнинной зоны Дагестана, то ныне по районам этой же зоны республики их доля колеблется от 30 до 90 процентов. Не одна сотня тысяч выходцев из горных районов РД проживают сейчас в Ставропольском крае, десятки тысяч — в Ростовской и Астраханской областях и т. д.

Как ни оценивать причины (о таковых в целом на Кавказе см.: [Волкова 1988: 125—126]), ход развития и последствия демографических изменений в Дагестане (в первую очередь имеется в виду география размещения населения), которые начались несколько веков назад, а активно протекали начиная с 1920-х гг. и особенно в последние полвека, очевидно, что они являются выражением хорошо известного в мировой практике явления, называемого географами «сползанием горцев на равнину» [Ковалевский 1931; Проблемы горного хозяйства]. В настоящем случае (равно как и на Северном Кавказе в целом и в Грузии) условно естественный процесс его развития был кардинально изменен, ускорен сторонней силой в лице государства.

При изменившихся обстоятельствах, на так называемой плоскости, горцы обретали для себя новые формы и средства выживания, т. е. приспособлялись и приспособляли для (под) себя незнакомую для них среду. Адаптация горцев в новой обстановке не была простой для них самих, в свою очередь, для коренных жителей мест их вселения они, как правило, тоже не являлись желанными соседями. Часто слышались и слышатся в бытовых разговорах и в официальных заявлениях тех или иных организаций и общественных деятелей слова об экспансии горцев, в республиканской, краевой, областной прессе современного российского Кавказа время от времени появляются негодующие статьи по поводу «ненормального» поведения «новых соседей».

¹ Здесь и далее синонимично привычному для русской лексики термину «равнина» будет употребляться слово «плоскость», употребляемое коренными кавказцами, а также людьми, включенными в их культуру.

Подобные явления есть результат миграционных процессов, которые имели место в новейшей истории региона (и Дагестана в частности) и которые происходят здесь по сей день.

Проблема миграции сквозь призму гуманитарных дисциплин: взгляд этнографа

Начиная с XVI в. и по настоящее время Европа втянута в глобальный процесс международной миграции, значительно изменившей жизнь не только Старого Света, но и всего земного шара. Тем не менее европейская наука обратилась к научному осмыслению процесса миграции как некоего явления лишь во второй половине XIX столетия. Первоначально тема миграции рассматривалась в плоскости экономических наук и социологии, поэтому основные теоретические подходы выработаны с учетом научных парадигм этих дисциплин. Позднее стало очевидным, что миграционные процессы следует изучать не только как экономическое, но и как значительное историческое, политическое, юридическое и культурное явление. Появились исследования, затрагивающие тему миграций в рамках таких дисциплин, как политология, антропология/этнография, демография, история, право. Однако при изучении миграций каждая дисциплина ставила перед собой особый список задач и пользовалась собственными методами при их решении в соответствии с принятыми в конкретной науке теоретическими постулатами.

К концу XX в. у специалистов, занимающихся миграционными процессами, возникла потребность в объединении усилий различных дисциплин, до сих пор зачастую двигавшихся параллельными курсами при решении схожих исследовательских задач. Дуглас Массей и его коллеги определили основную методологическую проблему, возникающую перед учеными, занимающимися миграциями, так:

...Ученые в сфере социальных дисциплин подходят к изучению проблемы не через одну разделяемую парадигму, а через различные теоретические точки зрения, разделенные между дисциплинами, регионами и идеологиями. В результате исследование предмета имеет тенденцию сужаться, часто неэффективно, и характеризуется повторами, отсутствием коммуникации, повторными открытиями и спорами об основах и принципах. Только когда исследователи примут общие теории, понятия, инструментарий и стандарты, знания будут аккумулироваться [Massley 1994: 700—701].

Авторы книги «Теория миграции» под редакцией К. Бреттелл и Джеймса Холифилда обозначили основные исследовательские вопросы, формулируемые каждой из отдельных дисциплин, интересующихся феноменом миграции, а также те уровни анализа и доминирующие теории, к которым апеллируют представители этих дисциплин.

Поскольку настоящая книга позиционируется авторами как этнографическое исследование, в первую очередь будет обращено внимание на взгляды исследователей из этой области научного знания. Следует заметить, что, поскольку основные теоретические наработки по указанной проблематике были сделаны в западноевропейских и американских научных сообществах, в данном разделе наряду с термином «этнография» будут применяться и термины «этнология» и «антропология» (имеется в виду социальная антропология) в качестве синонимов данной дисциплины.

По мнению исследовательской группы К. Бреттелл и Д. Холифилда, антропологи интересуются в основном тем, как миграция влияет на изменение культуры и каково ее влияние на этническую идентичность задействованных в этом процессе людей, социологи — тем, что объясняет инкорпорация иммигрантов. Главный вопрос для экономистов заключается в том, почему индивиды решают мигрировать и каков экономический результат миграции. Существуют и многочисленные исторические сочинения, посвященные миграциям как в отдельных странах и на отдельных территориях, так и в глобальном масштабе. Их задача — освещение миграционного опыта тех или иных сообществ и стран. Демография при рассмотрении данной темы ставит перед собой вопрос, как влияет миграция на смену населения, политология рассматривает вопросы, связанные с взаимодействием мигрантов и государства, а юриспруденция — вопросы, связанные с влиянием законодательства на миграционные процессы [Migration Theory 2000: 3]. Различны также и уровни анализа при решении указанных задач. Существуют в основном два подхода — исследование на микроуровне, когда главным действующим лицом миграционного процесса называется индивид или домохозяйство, и макроуровневое исследование, где объект исследования — большие группы людей. Томас Фейст предложил выделение также среднеуровневых исследований, когда внимание ученого концентрируется на группах людей или индивидах в контексте социальных связей [Migration Theory 2000: 9].

Исходя из данной классификации, К. Бреттелл делает вывод, что антропология в основном оперирует микроуровневыми и среднеуровневыми категориями, такими как индивид, домохозяйство, группа людей [Migration Theory 2000: 3]. Следует добавить, что внимание антрополога, безусловно, привлекает и такая категория, как этническая группа. Социология, близкая к антропологии по задачам исследования, обращает внимание на социальные классы и группы, работая как на среднем, так и на макроуровне.

Бреттелл в указанном издании замечает, что антропологи больше интересуются тем, кто, когда и почему мигрирует, они хотят через этнографическое описание зафиксировать, что это такое — быть мигрантом, и определить значение для самих мигрантов социальных и культурных различий среды обитания при покидании одного культурного контекста и вхождении в другой. Вопросы антропологического изучения миграций ограничены предположением, что то, что происходит с мигрирующими людьми, формируется под влиянием социальных, культурных и гендерных установок и что мигранты сами являются активными агентами своего поведения, интерпретируя и конструируя его внутри сообщества под давлением структуры. Социологи в данном случае делят общую теоретическую структуру с антропологами. Обе дисциплины базируются на классических работах социальной теории и обе имеют тенденцию определять социальные отношения как центральные для объяснения процесса миграции и иммигрантской инкорпорации [Migration Theory 2000: 4].

Первоначально миграционные теории, как уже было отмечено, разрабатывались экономистами и социологами. Основы социологических подходов к изучению миграции заложены в трудах К. Маркса и М. Вебера [Рязанцев 2006: 43], но первым исследователем, напрямую занявшимся данной проблемой, считается Э. Равенстейн, сформулировавший так называемые «законы миграции» в своей одноименной статье в 1885 г. Равенстейн попытался формализовать закономерности и понятия в области миграционных процессов на примере миграций в Великобритании и Северной Америке. Несмотря на то

что в целом представленные им законы были опровергнуты многими последователями (Дэвис, Аранго и другие) [Massey 2005: 15], некоторые использованные им подходы и оценки, — например, тезис о том, что большинство миграций осуществляется на короткие расстояния, а также идея, что миграционные потоки порождают противопотоки и что они связаны с техническим развитием, — до сих пор не потеряли своей актуальности [Юдина 2004: 46].

На выводах Э. Равенстейна базируются *неоклассические экономические теории миграции*.

Макроуровневая теория миграции определяет основной причиной миграции географические различия в предложении рабочей силы и спросе на нее. Регионы с большим предложением рабочей силы характеризуются низкой заработной платой, в то время как регионы с ограниченным предложением рабочей силы характеризуются более высокой зарплатой. Разница в заработной плате заставляет рабочих из низкооплачиваемых регионов двигаться в регионы высокооплачиваемые (Льюис, Харрис, Годаро) [Massey 2005: 18].

Микроэкономическая теория индивидуального выбора является аналогом макроэкономической теории. В согласии с ней индивиды делают рациональный выбор в пользу миграции, если выигрыш от миграции будет больше, чем потери при переезде (Сжастад, Борджас). Миграция в данном случае понимается как форма инвестиций в человеческий капитал (уровень образования, квалификации и пр.) [Юдина 2004: 46].

Данные теории объясняют причины миграции исходя только из экономических предпосылок. В такой «ограниченной» форме они справедливо подвергаются критике со стороны социологов и социальных антропологов, так как здесь не учитываются социальные и, тем более, культурные особенности индивидов и групп, участвующих в миграции. Как отмечает Х. Пилкингтон, «мы видим в таких истолкованиях миграции засилье экономического детерминизма — в них все подчинено логике движения капитала и почти не остается места для человека» [В движении добровольном и вынужденном: 79]. Не отвечают эти теории также на вопросы: почему люди мигрируют из стран с высокими экономическими показателями в страны с более низкими показателями и т. д. [Юдина 2004: 47].

Теория «толчка-притяжения» (push-pull theory) — попытка ответить на нерешенные вышеупомянутыми теориями вопросы. Согласно ей, причины миграции лежат в комбинации факторов толчка, побуждающих людей оставлять места своего проживания, и факторов притяжения, которые являются привлекательными для них в других регионах. Выталкивающими факторами могут быть низкий уровень жизни, безработица, низкие экономические возможности, политические репрессии. Факторами притяжения могут быть спрос на рабочую силу, политические свободы, широкие экономические возможности и прочее. Движение народонаселения по этой схеме должно в итоге уравнять условия в слаборазвитых и развитых регионах и привести к экономическому равновесию (В. Томас, Сингер, Лоуэл). Эта теория некоторое время была «господствующей», в ее рамках рассматривалась, например, британо-американская миграция в индустриальную эпоху [Massey 2005: 13]. Однако и она подверглась критике. Так, зачастую теория «толчка-притяжения» не принимает в расчет особенности исторического и политико-экономического контекста. К тому же данная теория объясняет миграцию индивидуальными решениями людей, не учитывая факторов, неподвластных индивидуальному контролю (как, например, иммиграционная политика государств, которой за-

частую определяется решение о миграции, что было так актуально для российских реалий XX в.). Следует сказать также, что если бы дифференциация доходов была самым сильным фактором «толчка», то необъясненным оставался бы факт миграции прежде всего не беднейших, а средних слоев населения. Указанная теория не может объяснить и того, почему миграция зачастую идет из малозаселенных районов в густонаселенные районы планеты, чем определяется выбор мест вселения, т. е. исторические связи между регионами не учитываются [Юдина 2004: 49].

Новая экономическая теория миграции была выдвинута в начале 1980-х гг. в работах О. Старка и его коллег во многом в противовес теории «толчка-притяжения». Основой нового подхода стало то, что решение о миграции признавалось прерогативой не изолированных индивидов, а более крупных единиц — домохозяйств, родственных групп, более крупных сообществ; было продекларировано, что люди действуют совместно не для того, чтобы увеличить выгоду от миграции, а чтобы минимизировать риски в случае неудач [Massey 2005: 21]. Эта теория подвергла сомнению утверждение «старых» экономистов, что доход имеет одинаковую степень важности для любого человека и что реальное увеличение дохода является одинаково важным для человека независимо от местных условий и от его материального положения. Одновременно О. Старк отмечал, что домохозяйства часто посылают своих представителей в другие регионы не только для улучшения материального благосостояния, но и в целях повышения социального статуса [Юдина 2004: 51]. Подобный тезис подтверждается работами социальных антропологов и социологов, рассматривающих миграцию не столько как экономическое, сколько как социальное явление в контексте социальных связей и культурной специфики сообществ мигрантов.

Кроме того, согласно новой экономической теории, миграционное движение не обязательно останавливается, когда заработная плата выравнивается по обе стороны административных границ. Этим опровергается тезис «экономического равновесия», провозглашенный неоклассической теорией, так как стимул для миграции состоит не только и не столько в реальном увеличении заработной платы.

Данная теория учитывает особенности семейных стратегий в той или иной социальной или этнической группе. По мнению Х. Пилкингтон и А. Физакли изучение семейных стратегий весьма существенно для понимания этнической миграции во всей ее сложности [В движении добровольном и вынужденном: 88]. Вместе с этим, как отмечает Т. Юдина, преодолев экономический детерминизм, указанная теория, тем не менее, «не содержит признания того, что семья насквозь проникнута идеологией и практикой социальных отношений между полами; что домохозяйство имеет собственную „политическую“ организацию; что нельзя анализировать внутрисемейные отношения в отрыве от внесемейных, в особенности в отрыве от институтов миграции — той совокупности социальных сетей и посредников, на которых, собственно, и держится миграция...» [Юдина 2004: 53]. К этому стоит добавить, что стратегии поведения внутри семьи и поведения самой семьи зависят также и от культурных особенностей.

Своего рода отголоском теории «толчка-притяжения» является *теория двойного рынка труда* (М. Пиор), сторонники которой доказывали, что миграция диктуется спросом на рабочую силу, свойственным индустриальным обществам. Согласно выводам Пиора, миграция вызвана не выталкивающими

факторами в донорских странах, а притягивающими факторами в принимающих странах. Чтобы восполнить нехватку рабочей силы в низкооплачиваемой и малоперспективной сфере услуг, предприниматели индустриальных стран нанимают иммигрантов [Там же: 54].

Общим во всех перечисленных «экономических» теориях является изначальное присутствие в них той либо иной модели человека, конструирующей различные социальные реальности. Важно также и содержащееся в поздних экономических теориях признание того, что «побудительными мотивами действий агентов являются не столько попытки обеспечения максимальной прибыли, сколько стремление к соответствию данного агента институциональным нормам и правилам, к улучшению своего положения в рамках этих институтов», где под институтами понимаются и организации, и правила, и традиции [Федотова 2007: 22]. Подобными выводами новые подходы в рассматриваемом теоретическом направлении в большей степени отвечают задачам этнографического исследования.

В социологических исследованиях широкое распространение получили теории интеграции, причем под интеграцией разные ученые зачастую понимали различные явления. Так, С. Айзенштадт рассматривал интеграцию как поглощение или абсорбцию, А. Гордон видел в ней ассимиляцию, а Х. Бери, И. Бурнис и П. Стокер — аккультурацию, т. е. альтернативу ассимиляции, когда из различных компонентов создается нечто новое, не тождественное исходному [Юдина 2004: 60]. Данные подходы рассматривают миграционный процесс как адаптацию иммигрантов в новом культурном измерении. Однако не следует забывать, что миграция — не односторонний процесс. Влияние этого явления сказывается и на тех, кто уезжает, и на тех, кто остается. Ведь зачастую мигранты не порывают связей с родиной, в случае же сезонных трудовых миграций это более чем очевидно. Так или иначе, порой можно наблюдать трансформацию уклада жизни, культурных норм и в тех местах, откуда выбыли мигранты, а этот процесс выходит за рамки адаптации.

Антропология в определенной мере восприняла вышеназванные теории и приспособила их для решения своих задач. Изучать миграции антропологи начали лишь с конца 1950-х—начала 1960-х гг. [Migration Theory 2000: 97]. Первоначально в поле их зрения попали миграции населения между деревней и городом. Из сформулированной в 1941 г. Робертом Редфилдом идеи сельско-городского континуума — противопоставления города и деревни и контраста между двумя различными путями жизни, традиционным и модернизационным, — возникла так называемая модернизационная теория миграции. Большинство ранних антропологических работ по миграции написаны под влиянием модернизационной теории и идеи биполярного мира, которые разделяли и противопоставляли отдающее и принимающее пространства, пуш-факторы эмиграции и пул-факторы иммиграции [Migration Theory 2000: 102].

Фокусируясь на мотивациях индивидуальных мигрантов, некоторые антропологи работали в рамках модернизационного подхода, подразумевающих рациональные и прогрессивные экономические решения проблем, вставших перед решившими мигрировать людьми [Migration Theory 2000: 103].

Теории, разработанные в рамках модернизационного подхода, применяются до сих пор и призваны отвечать главным образом на вопрос «зачем люди мигрируют». Однако появился принципиально иной подход к решению и даже постановке задач в области изучения миграций, получивший название структурно-исторического. Этот подход смещает внимание с мотиваций и адапта-

ций индивидуальных мигрантов на макроуровневый процесс, который формирует и поддерживает движение населения. Структурно-исторический подход, или метод исторического структурализма, возник в 1970-х гг., сформулирован он С. Кастлесом, Г. Косаком и М. Николинокосом. Эти исследователи рассматривали миграцию как систему, в рамках которой все части мира связаны человеческими потоками и противопотоками. Миграция стала, таким образом, оцениваться не как единичное действие, а как динамический процесс, чьи объемы и направления определяются государственным регулированием и уровнем индустриального развития отдельных стран; люди же рассматривались, по словам М. Бойд, как «пассивные участники миграционного процесса, разворачиваемого социальными силами во времени и пространстве» (цит по: [В движении добровольном и вынужденном: 80]).

Структурно-исторические теории рассматривали уже не индивидуального мигранта, а глобальный рынок и то, что и как национальные и международные экономические и политические системы делают с этим мигрантом. Если теория «толчка-притяжения» ставила акцент главным образом на добровольном перемещении индивидуумов, то теория исторического структурализма подчеркивала роль крупномасштабных организаций (корпораций и государства) в формировании миграционных потоков [Юдина 2004: 56].

В России долгое время миграции рассматривались лишь с позиции демографии, т. е. исключительно в контексте изменения базовых характеристик населения (рождаемость, смертность, детность). В последние десятилетия взгляды и подходы изменились; миграция также в значительной мере стала восприниматься как социальное, политическое и культурное явление. Однако исследователи, занимающиеся проблемами миграции, либо не выходят на теоретический уровень, либо ограничиваются рамками основных западных теорий. Впрочем, и в российской науке имеют место попытки конструирования общих теорий миграций, таких как, например, миграциология экономиста В. Ионцева, не получившая на данный момент широкого признания.

Таковы основные теории, рассматривающие миграции как общественное явление и базирующиеся на тех или иных дисциплинарных установках. При этом не всегда в рамках той или иной дисциплины существует единство мнений в отношении принятия основных положений конкретных теорий.

В данной книге изложен анализ этих явлений и процессов с точки зрения этнографов. Мы выбираем антропологический (в социальном и культурном аспектах) ракурс их изучения, так как считаем, что он существенно дополняет исторический и социологический ракурсы и позволяет взвешенно оценивать изменение «мира горцев» — как изменения в нем самом (имеются в виду системообразующие основания его бытия), так и воздействие самого этого мира на «мир негорцев». При разноплановых изменениях, пережитых и переживаемых «миром горцев», он («горский мир») и в новых условиях отчасти сохраняет некоторые характерные свои особенности и рефлекторно оказывает воздействие на старых и новых соседей.

Принимая во внимание специфику миграций в Дагестане на протяжении всего XX в., невозможно не поместить истории переселения отдельных людей и локальных сообществ в широкий исторический и культурный контекст. Переселения многих тысяч дагестанцев были спровоцированы и осуществлены как посредством прямых директив государства, так и под воздействием различных обстоятельств, таких, например, как нехватка земли в горах в начале XX в., экономические трудности горных селений в условиях распада командной экономики в конце века.

Тем не менее, руководствуясь правилом, что истина находится где-то посередине, отметим, что методика этнографического исследования, заключающаяся главным образом в интервьюировании конкретных людей и получении отдельных жизненных историй, а также преимущественно в отказе от количественных материалов как основных, предполагает взгляд на мигранта как на самостоятельно действующего индивида, выбирающего для себя переселение или сезонные работы в качестве возможности поиска лучшей жизни в заданных условиях. Нельзя не согласиться с Ш. Хессе-Бибер, утверждающей, что «рассмотрение мигранта как активного участника (социальных процессов. — *Авт.*), действующего как в отправляющей среде, так и в принимающей, внутри сети отношений с другими (людьми) и общей структуры общества, способствует большему пониманию сути вещей» [Hesse-Biber 1981].

В представляемой читателям книге много цитат почерпнутых из интервью, полученных от горцев и негорцев в ходе проведенных авторами полевых исследований, что преследует цель передать ощущения и переживания людей, с одной или с другой стороны вовлеченных в эти масштабные трансформации. Подобный материал позволяет оттенить человеческий фактор происходящего. Под данным фактором здесь подразумевается изменение системы жизнеобеспечения людей на групповом и индивидуальном уровнях.

Также будет представлено много материалов из фондов Центрального государственного архива Республики Дагестан, Центрального государственного архива Республики Грузии, Центрального государственного архива Республики Северной Осетии-Алании и из других источников — архивных, литературных, научных, что, на наш взгляд, позволяет достаточно полно и, как надеемся, неоднобоко охарактеризовать историю развития переселенческого движения в республике.

* * *

В свое время замечательный грузинский поэт Важа-Пшавела писал о родных ему горах:

О горы, горы!
Кругом вы, горы!
Без вас не снес бы
Я столько горя!
.....
Лишь вы даете
Мне утешенье,
Во мне лишь ваше
Сердцебиенье...
И все стерплю я,
Достигну цели,
И если стойкость
Ослабнет в теле,
Как вы, я снова
Взметнусь твердыней,
Блеснет надежда
И не остынет!

[Важа-Пшавела 1939: 55—57, 219—221]

И в другом стихотворении:

Сверху вниз брести наугад —
Горе мне! — как тяжело и томно...
Слезы не исцелят меня
На равнине этой бездомной.
О, зачем я себя обрек
На погибель без воздаянья
И сошел с горы? Чтобы стать
Тщетной жертвой? Чашей страданья?
[Поэзия народов Кавказа: 137]

Без гор он, природный горец, не мыслил жизни. Парадокс заключается в том, что Важа-Пшавела был одним из инициаторов массового переселения земляков в равнинные степные районы [Джаошвили 1968: 119].